

хика), к культуре и общественной жизни, как ограниченность рационализма сразу влечет за собой ограниченный характер любого социокультурного бытия человека. Анализ ограниченности социокультурного бытия не входит в наши задачи, заметим только, что это и временность существования любой культуры, и ее неизбежная дисгармоничность вплоть до конфликтности и т.п. В экзистенциальном же плане исключительно рациональный взгляд неспособен сформировать устойчивого представления о смысле жизни, любые его решения смысложизненной проблематики непременно ведут к конечной бессмысленности и абсурду человеческого существования. Такой абсурд хорошо проиллюстрирован в литературе экзистенциализма (А. Камю «Миф о Сизифе», Ж.-П. Сартр «Тошнота», «Дьявол и Господь Бог» и др.).

Рационально рассуждая, конечной бессмысленностью жизни можно было бы и пренебречь, существует множество способов иллюзорного осмысления жизни — от творчества до жизни во имя общества или государственных интересов. Однако проблема заостряется тем обстоятельством, что человеческое существование и его жизненный мир всегда определяются «здесь и теперь», они конкретны и целостны. Вот эта целостность человеческой жизни и мира рациональными взглядами самого живущего человека охвачена в исчезающее малой степени, но она практически неисчерпаема. Отсюда следует, что жизнь на основе одного только рационализма невозможна, а так, как она все-таки есть, то значит, в ее осмыслении участвует не исключительно рационализм.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Konrad G, and Szelenyi, I. The Intellectuals on the Road to Class Power N.Y.: Harcourt Brace Jovanovich, 1979),
2. Курамин В.П. Павлов В.И., Павлов А.В. Район промышленного освоения. Свердловск.: Изд-во УРГУ.1989. 300 с.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Соч. Т. 4. С. 419-459.
4. Павлов А.В. Российский сюжет // Социум и власть. 2004. № 4. С. 87-96.
5. Шеллинг Ф. (Соч. в 2 тт. Т. 1. М.: Мысль, 1987. С. 227-490).
6. Фирсов Б.М. Интеллигенция, интеллектуалы и элиты в процессе перехода // Попытка критического дискурса в конце XX столетия. <http://www.eu.spb.ru>.

Сергей Васильевич КРУЧИНИН —
ст. преподаватель кафедры общих гуманитарных
и социально-экономических дисциплин
Ноябрьского филиала
Тюменского государственного университета

УДК 321.7

ДОСТИЖЕНИЕ И ПОСТИЖЕНИЕ ДЕМОКРАТИИ

АННОТАЦИЯ. Демократия возможна лишь в гражданском обществе, основанном на плюрализме мнений и гарантирующем свободу личности и высокое политическое сознание его членов. Лишь в условиях развитого культурного самосознания в структуре социума могут иметь место реальная возможность выбора или свобода выбора.

Democracy may be attained only in the civil society, which is based on pluralism of different point of views, personal liberty and high level of political consciousness. The real opportunity or promise of choice is impossible without properly developed and ever improving cultural self-actualization in the community.

Демократия как политическая ценность, политическое мировоззрение не может быть реализована вне правового государства, без четко разработанных правовых норм, регулирующих отношения собственности, производства и распределения, взаимоотношения индивидов между собой и с государством.

Говоря о демократии, мы фактически имеем дело с постоянной эволюцией и развитием, рождением и становлением новых принципов, институтов и практик демократии. Эти принципы и процедуры принципиальным образом отличают современное понимание демократии не только от современных недемократических (авторитарных, тоталитарных) режимов, навязывающих народу политические решения, выгодные лишь небольшой горстке людей, добившихся власти и диктующих обществу свою волю, выдаваемую как благо для народа.

Реальная воля народа может быть представлена и осуществлена лишь в условиях высокого политического сознания, в гражданском обществе, включающем в свой состав избирателей, потребителей, политические партии, союзы, большое количество неправительственных и других социальных и этнических групп, т.е. государстве, в котором люди могут работать индивидуально или группами на некоммерческой основе, без насилия со стороны правительства.

Свобода, представляющая собой «непреходящую ценность и основополагающую сущностную характеристику человека» [2; 33], в условиях реальной демократии получает свое право на существование. Свобода предстает «как пространство права и морали». Соотношение свободы и равенства является частью более общей проблемы соотношения индивидуализма, его границ, с одной стороны, и коллективизма — с другой.

Гражданское общество не только демонстрирует возможность самореализации человека вне и помимо государственной власти, но и создает условия для успешного осуществления частного интереса независимо от власти. Впервые термин «гражданское общество» употребил Аристотель, когда противопоставлял государственную власть и остальную часть общества. Г.В.Ф. Гегель определил гражданское общество как «сферу реализации особенных, частных целей и интересов отдельной личности» [3; 55]. Мы же под гражданским обществом подразумеваем политический строй, существующий в прямом соответствии с общественным договором, означающим добровольную многостороннюю договоренность людей по поводу достижения и утверждения конкретных прав и интересов.

Гражданское общество, опирающееся не на безликие, лишенные индивидуальности массы, а на интересы отдельных индивидов, немислимо без свободы каждой отдельной личности.

Свобода личности имеет абсолютный, неотчуждаемый характер. Свобода, по словам М. Хайдеггера, «является основанием внутренней возможности для правильности лишь в силу того, что она получает собственную сущность от более первоначальной сущности единственно существенной истины» [12; 16-17]. Человек всегда находится на пути блужданий. Блуждание человека — это «открытое место и причина заблуждения» [12; 24], но лишь в ходе блуждания человек обретает себя, свое подлинное существование, осознанно и целенаправленно делая свой выбор, выбирая из нескольких возможностей наиболее оптимальную, осуществляя тем самым смысл собственного существования.

Без свободы каждой отдельной личности нет и не может быть речи о демократии. Любое демократическое государство должно признать свободу личности, которая, по словам Н.А. Бердяева, изначально принадлежит человеку как духовному существу, а не дана ему какой-то внешней властью. «Эта основная истина о свободе, — писал Н.А. Бердяев, — находила свое отражение в учении о естественном праве, о правах человека, не зависящих от государства, о свободе не только как свободе в обществе, но и свободе от общества, безграничного в своих притязаниях» [1; 307].

Свобода личности в условиях демократии в политической сфере включает свободу мысли, слова, совести, объединений, печати, собраний, митингов, уличных шествий, демонстраций, пикетирования, подачи обращений и петиций, участия в выборах и референдумах.

Свобода личности необходимо предполагает подчинение индивида нормам и правилам социальной жизни во имя достижения общественного согласия. Грани соприкосновения свободы и права подчеркивал в своих работах С.Л. Франк. «Холодный и жестокий мир права, с присущим ему узаконением эгоизма и грубым принуждением, резко противоречит началам свободы и любви, образующим основу нравственной жизни, и все же всякая попытка совсем отменить право и последовательно подчинить жизнь нравственному началу приводит к результатам еще худшим, чем правовое состояние — к разнузданию самых темных низменных сил человеческого существа, благодаря чему жизнь грозит превратиться в чистый ад» [9; 162].

Но свобода волеизъявления личности в демократическом обществе не должна идти во вред окружающему сообществу, о чем заявляет Владимир Соловьев: «Подчинение человека обществу совершенно согласно с безусловным нравственным началом, которое не приносит в жертву частное общему, а соединяет их как внутренне солидарных: жертвуя обществу свою неограниченную, но необеспеченную и недействительную свободу, лицо приобретает действительное обеспечение своей определенной или разумной свободы — жертва настолько же выгодная, насколько выгодно получить живую собаку в обмен на мертвого льва» [8; 413].

Свобода личности, с точки зрения экзистенциалистов, является необходимым условием человеческого существования или экзистенции. Вне абсолютной свободы, по мнению Ж.П. Сартра и А. Камю, нет и не может быть человеческой личности, осознающей ответственность за свои действия. Трансцендентальное сознание является источником, основой и катализатором жизненной активности человека. Свобода человека, по мнению Сартра, определяется ответственностью, а ответственность — свободой; «человек — это то, что он из себя делает» [7; 439].

Выбор того или другого, по мнению Сартра, означает «утверждение ценности того, что мы выбираем», человек «ответственен за себя самого и за всех», «человек, который на что-то решается, и осознает, что он — не только тот, кем он решает быть, но и законодатель, выбирающий одновременно с собой и все человечество, не может избежать чувства своей полной ответственности» [7; 439-440] за все, что творится рядом и во всем мире. Делая свой выбор, человек исходит из ощущения тревоги и берет на себя полную ответственность, он свободен выбирать и изобретать, каким ему далее следует быть, исходя не из всеобщей, а своей собственной морали, осознанной ответственности за свое действие и бездействие. Определяя человека как «то, что надо» и «не что иное, как его жизнь», Сартр настаивает на субъективизме человека, его праве выбирать мораль, выбирать себя по отношению к другим, необходимости давать свободу другим, ведь «наша собственная свобода зависит от свободы других людей» [7; 454]

Свобода человека, как считает Сартр, не может подчиняться никакой логической необходимости, являясь масштабом измерения индивида и всего, что связано с его сознанием. Любой выбор есть ограничение, отказ, отрицание; абсолютная свобода и абсолютный выбор реально невозможны, до и само существование оказывается неподлинным, поскольку человек по слабости своей часто идет на подмену, ускользает от ответственности за совершенный неправильный выбор.

Человек, по словам другого философа-экзистенциалиста — А. Камю, «отдается предписанной ему истории и, видя впереди ужасное будущее, низвергается в него» [5; 55], увлекая за собой и других людей, не имевших никакого отношения к сделанному им выбору. Тем самым человек всегда оказывается вовлеченным в жизнь других, навязывает другим свой выбор и оказывается перед необходимостью считаться с выбором других. Лишь в тех случаях, когда сделанный другими выбор для него неприемлем, человек решается на бунт. Право человека на бунт должно быть составной частью демократии, иначе все пропагандируемые свободы оказываются иллюзорными, химерными, сплошной «игрой в обманку», прикрывающей реальное положение вещей, при котором народ имеет лишь декларативное право на выбор, не реализуемое в реальной жизни.

Именно реальная возможность выбора или свобода выбора отличает тоталитарную политическую систему от демократической. В тоталитарном государстве господствуют догмы, не подлежащие оспариванию, необходимые, поскольку нужно абсолютное повиновение подданных. Объявив себя непогрешимым, тоталитарное государство, по словам Дж. Оруэлла, «отбрасывает само понятие объективной истины» [6; 245], лишая своих граждан права на полноценное существование.

В демократическом обществе должна существовать полная свобода на выбор, должна существовать свобода волеизъявления и плюрализм мнений, гарантирующий, что в ходе дискуссии рассматриваться будут не только выбранные политической элитой мнения, а максимально широкий круг мнений, что будет гарантировать, что сделанное в результате выбора решение окажется выгодным только небольшой горстке людей, инициировавших данную кампанию, а всему обществу в целом.

По мнению итальянского философа-экзистенциалиста Н. Аббаньяно, выбор человека основывается на возможности, а эта возможность является конечной основой конституции человека как индивида, а потому человек должен решиться на то, чтобы быть верным самому себе, к чему в итоге и сводится судьба человека в целом. «Решение проблемы есть вообще выбор такой возможности, которая оправдывает (или делает возможной) саму проблему» [13; 88]. Возможность фундаментального выбора сводится Н. Аббаньяно к альтернативе быть или не быть свободным.

Однако в настоящее время, в эпоху массового потребителя, когда в мире и умах людей главенствуют деньги, идея выборности все более компрометируется. Голоса избирателей становятся объектом купли и продажи, что особенно наглядно проявляется в тех странах, где большая часть населения живет ниже прожиточного минимума. В таких условиях, естественно, идеи демократии обречены на провал.

Строго говоря, демократическое общество покоится на «презумпции согласия» — согласия между гражданами и государством, закрепленного конституцией, и согласия между социальными группами о мире как единственно возможном условии выживания и существования общества. Иначе, то есть без предполагаемого соглашения, власть невозможна. Как на театральной сцене короля играют актеры в роли придворных, так и власть реализуется в признании власти со стороны граждан. Социальные отношения в этом смысле строятся по договорной схеме.

«Общественный договор», по мнению А. Камю, дает возможность добиться того, чтобы источником власти был не произвол, а полное согласие [5; 206].

В связи с этим всякое выборное и избранное лицо должно служить осуществлению воли народа, временно предоставившего ему возможность действовать от своего лица, и быть смещенным со своего поста в случае нежелания или отказа выполнять свои властные обязанности.

В развитом виде гражданское общество предстает как система определенных формализованных и институционализированных структур. Однако независимо от них в обществе могут существовать и иные самоорганизующиеся движения, инициативы, ассоциации, а также приводящие в движение общественную жизнь сообщества публичной сферы, неформальные социальные связи и солидарные сообщества. Все это тоже относится к гражданской, то есть неполитической и неэкономической сфере общества. Именно так понимал гражданское общество русский мыслитель С.Л. Франк, отождествляя его с сотрудничеством и взаимодействием личностей, «гармонически сочетающих в себе расчлененность со сплошностью, единичность со всеединством» [10; 382]. Лишь в рамках гражданского общества моральные отношения между людьми могут базироваться на «принципе равноправия (возлюби ближнего, как самого себя)», который состоит в «устранении всякого неравенства, всякого преимущества «я» перед «ты»» [11; 121].

Действительно демократическим может считаться только то общество, в котором существует социальный контроль и независимая от государственного аппарата судебная власть, что немыслимо в рамках авторитарного, тоталитарного и не толерантного общества, в рамках которого личность оказывается лишена подлинной свободы выбора, возможности высказать свое мнение и отстаивать свои права.

Все это возможно лишь при высоком уровне политического сознания, которое окажется гарантом того, что интересы большинства не пойдут во вред самому обществу, не заведут социум в тупик личного эгоизма, присущего так называемому большинству, не осознающему своей ответственности за все, что происходит в обществе и за его пределами, своего гражданского долга.

В социологии различают три уровня развития политического сознания: «репрезентативное» сознание, в наибольшей степени испытывающее влияние политической идеологии, достаточно полно отражающее основные интересы и потребности общества, класса, группы; промежуточное сознание, непоследовательно отражающее интересы и потребности общества и класса, подверженное стихийным колебаниям, и отсталое сознание, несущее в себе отпечаток прежних условий, слабо отражающее актуальные потребности и интересы, как общенародные, так и специфические групповые. В тех социальных общностях, где преобладает отсталое и промежуточное сознание, исход выборов во многом предсказуем, ведь большинство электората легко поддается внушениям СМИ.

В структуре же «репрезентативного» политического сознания политическая элита (так называемые народные избранники, которые могут отстаивать лишь свои корыстные интересы и интересы правящей элиты и бюрократического аппарата в целом) не сможет диктовать или навязывать народу свою волю, ведь контроль в структуре гражданского общества осуществляется не только государственным аппаратом, но и над государственным аппаратом, который не господствует над народом, а служит ему.

Демократия как политическая ценность (к числу политических ценностей демократии, как правило, относится власть большинства при защите прав меньшинства, осуществление выборности основных государственных органов, наличие прав и политических свобод граждан, их равноправие, верховенство закона, конституционализм, разделение властей), по мнению Р. Даля, «состоит в убежденности преимущества демократии как формы правления, создающей определенные условия для выражения воли народа в политике и управлении

государством» и «представляет одно из важнейших средств самозащиты, непременное условие реализации прав и свобод человека и, прежде всего, основополагающей свободы — «свободы участвовать совместно с другими гражданами в определении законов и правил, которые личность должна соблюдать» [4; 16].

Таким образом, очевидно, что демократия — это скорее не явление, а процесс, процесс демократизации, процесс непрерывного развития общественного и индивидуального сознания, протекающий спонтанно, а не контролируемый каким-либо государственным органом, который, как в случае авторитаризма, может без участия народа выявлять его волю, навязывая свою волю при помощи широкого ассортимента средств насилия и давления. Демократия основана на свободе выбора, свободе, в рамках которой каждый сознательный член общества должен исходить не столько из своих личных корыстных интересов, а из интересов всего социума, подавляя те свои влечения и интересы, которые могут нанести вред единой команде социума, определяющей законы своего существования с учетом общих интересов, общего (не столько материального, сколько духовного или культурного) блага.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердяев Н.А. Царство Духа и царство Кесаря. М.: Республика, 1995. С. 307.
2. Гаджиев К.С. Размышления о свободе // Вопросы философии. 1993. № 2. С. 33-46.
3. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. С. 55.
4. Даль Р. Введение в экономическую демократию. М.: Наука, 1991. С. 16.
5. Камю А. Бунтующий человек. М.: Политиздат, 1990. С. 206.
6. Оруэлл Дж. «1984» и эссе разных лет. М.: Прогресс, 1989. С. 245.
7. Сартр Ж.П. Экзистенциализм // Сартр Ж.П. Тошнота. М.: Республика, 1994. С. 439, 439-440, 454.
8. Соловьев В.С. Оправдание добра // Соловьев В.С. Соч. в 2-х т.т. Т. 1. М.: Мысль, 1988. С. 547-548, 413.
9. Франк С.Л. Духовные основы общества. Введение в социальную философию // Русское зарубежье. Из истории социальной и правовой мысли. Л.: Лениздат, 1991. С. 244-259, 162.
10. Франк С. Л. Реальность и человек. Метафизика человеческого бытия. Париж: YMCA-PRESS, 1956. С. 382.
11. Франк С.Л. Философские предпосылки деспотизма // Вопросы философии. 1992. № 3. С. 114-127, 121.
12. Хайдеггер М. О сущности истины // Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. М.: В.Ш., 1991. С. 16-17, 24.
13. Abbagnano, N. Introduzione all'esistenzialismo, II Saggiatore, Milano, 1967. С. 88.

Роман Юрьевич ФЕДОРОВ —
младший научный сотрудник
Тюменского научного центра СО РАН

УДК 168.522

ОСВОЕНИЕ СИБИРИ:

СТРУКТУРНО-КОММУНИКАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ

АННОТАЦИЯ. В статье представлена попытка исследования влияния структурно-коммуникативных аспектов освоения Сибири на современную социокультурную ситуацию расположенных на ее территории регионов.